

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Владимир Васильевич АБАШЕВ / Vladimir ABASHEV | Анастасия Владимировна ФИРЦОВА / Anastasija FIRSOVA

| Прогулка и экскурсия в ряду телесно-дискурсивных практик освоения городского пространства / Strolling and Guided Tour in the Context of other Bodily and Discourse Practices of Urban Space Exploration |

Владимир Васильевич АБАШЕВ / Vladimir ABASHEV

*Пермский государственный научно-исследовательский университет, Россия
Заведующий кафедрой журналистики и массовых коммуникаций
Доктор филологических наук, профессор*

*Perm State University, Russia
Head of Journalism Department, Professor, PhD, Dr. Sci. (Philology)
vv_abashev@mail.ru*

Анастасия Владимировна ФИРЦОВА / Anastasija FIRSOVA

*Пермский государственный научно-исследовательский университет, Россия.
Доцент кафедры туризма, кандидат географических наук*

*Perm State University, Russia
Associate Professor of Tourism Department, PhD
firssowa@mail.ru*

ПРОГУЛКА И ЭКСКУРСИЯ В РЯДУ ТЕЛЕСНО-ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

108

В статье рассматриваются опыты испытания явных и неявных пространственных и темпоральных границ в телесно-дискурсивных практиках освоения городского пространства. Прежде всего, традиционных (прогулка и экскурсия), но также и экстремальных (дрейф, руфинг, диггерство, паркур). Продуцирование и испытание границ рассматривается как источник порождения текстов о городе: вербальных, акциональных, визуальных. Прогулка и экскурсия анализируются как доминирующие источники самоописаний города. Семантика городских границ рассмотрена также в контексте культурной прагматики. В экскурсионной практике граница эксплуатируется как культурно-символический ресурс территории.

Ключевые слова: город, телесно-дискурсивные практики, культурная прагматика, структура пространства, граница, фланер, экскурсовод, текст.

STROLLING AND GUIDED TOUR IN THE CONTEXT OF OTHER BODILY AND DIS- COURSE PRACTICES OF URBAN SPACE EXPLORATION

The article examines the experience of testing implicit and explicit boundaries, and also spatial and temporal ones in the urban practices and in the subcultures - traditional (strolling and guided tour) and extreme ones (drifting, roofing, digging, parkour). Border constructing and border crossings are being studied as a source of texts about the city: verbal and visual texts. Strolling and guided tour are being considered as the main source of self-description of the city. Semantically the boundaries here are being the cultural symbol of the territory.

Key words: City, bodily and discourse practices, cultural pragmatics, structure of Space, border, strolling, guided tour, text.

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Владимир Васильевич АБАШЕВ / Vladimir ABASHEV | Анастасия Владимировна ФИРЦОВА / Anastasija FIRSOVA

| Прогулка и экскурсия в ряду телесно-дискурсивных практик освоения городского пространства / Strolling and Guided Tour in the Context of other Bodily and Discourse Practices of Urban Space Exploration |

Город слоится границами во времени и пространстве, по горизонтали и вертикали – культурно-историческими, административными и ведомственными, экономическими, политическими, семантическими. Они не всегда имеют пространственное выражение. Но в любом случае границы спроецированы в пространство и читаются в нем по следам, как читается слоение пластов времени в надстройке советского периода над зданием XIX века¹. На фасаде центрального универмага в Перми, как на экране времени, соседствуют популярные символы местной идентичности – фигуры пермского звериного стиля – с логотипом Макдональдса и шрифтовой композицией названия в стилистике советских 1970-х гг.

В исторической жизни город продуцирует все новые и новые границы. Ограничиваются места власти и богатства, ограничиваются места экономического производства, ограничиваются места производства культуры, незримо ограничиваются опасные и темные места города, как и места вторжения дикой природы – овраги, малые реки, есть места техногенные, – все эти пространства выделены то явной, то неявной, то проницаемой, то непроницаемой или избирательно проницаемой границей.

Каждый горожанин имеет повседневный опыт обращения с границами. Среди них есть непреодолимые для лиц, не имеющих специального доступа. Другие проницаемы при выполнении простых правил: приобрести билет, предъявить пропуск, оставить запись в книге посетителей. Третьи не имеют явных границ, но относительно их есть общая конвенция: дальше начинается нечто иное, что требует от тебя быть иным. Так мы входим в

район с репутацией опасного или пересекаем клин дикого природного пространства, еще не освоенного и не переработанного городом.

Во всяком случае, независимо от степени и условий проницаемости переход любой границы требует смены кода поведения в соответствии с внутренними правилами отграниченной сферы. Ее языком. Это общий закон. «Функция любой границы, – как писал Ю.М. Лотман, – сводится к ограничению проникновения, фильтрации и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее». Это «инвариантная функция» границы. Способ ее реализации определяется внутренней природой отграниченных пространств – физических или идеальных. «На уровне семиосферы, – продолжает Лотман, – она означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешних сообщений и перевод их на свой язык, равно как и превращение внешних не-сообщений в сообщения, т. е. семиотизацию поступающего извне и превращение его в информацию»². Иными словами, операции с границами неизбежно связаны с практиками дискурсии, текстообразования.

Этот общий закон семиотизации работает и тогда, когда границы взламываются силой и рисунок отношений внешнего и внутреннего по видимости меняется. В «Посторонних» («Bande à part», 1964) Жан-Люка Годара троица молодых людей с грохотом пробегает безмолвными и чинными коридорами Лувра, минуя служителей, пытающихся их остановить. Они пересекают границу музейного пространства, но не подчиняются внутренней семиотике поведения. Они навязывают музею свою – логику спортивного состязания. Герои Годара по сюжету бесшабашно пробуют побить рекорд некоего туриста, обошедшего Лувр за считанные ми-

¹ О слоении города по темпоральной оси см.: Ромашко С. Монумент-сувенир-улика // Логос. 1991-2005. Избранное. М., 2006. Т.2. С.508-520.

² Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера - история. Москва, 1996. С. 188.

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Владимир Васильевич АБАШЕВ / Vladimir ABASHEV | Анастасия Владимировна ФИРЦОВА / Anastasija FIRSOVA

| Прогулка и экскурсия в ряду телесно-дискурсивных практик освоения городского пространства / Strolling and Guided Tour in the Context of other Bodily and Discourse Practices of Urban Space Exploration |

нуты. Но, с другой стороны, не превращает ли музей группу бегущих вопреки их намерениям в свое собственное произведение – перформанс или хэппенинг? На идее нарушения легитимированной традицией границы строились многие эксперименты искусства XX века: что, например, произойдет с бытовой вещью, если она будет извлечена из границ собственного утилитарного существования и «выставлена» – перемещена в художественную галерею?

Пересечение границы становится событием и требует рефлексии. Оно запускает механизм текстопорождения. Так граница связывается с текстом.

В настоящей статье нас интересуют именно такие телесные практики работы с пространством города и его границами, которые оставляют дискурсивный след – сопровождаются рождением текста. Собственно съемками пробега по Лувру Жан-Люк Годар документирует идею и практику дрейфа как испытания легитимированных границ пространств, объединяемых городом.

Современная урбанистическая культура предполагает экстремальные телесные практики, предлагающие взлом границы и вторжение как свои основные принципы. Руферы и диггеры открывают новые зоны жизни города, «незаконно» пересекая верхнюю и нижнюю границы городского пространства. Подвалы и подземные коммуникации, крыши и незаконченные высотные здания превращаются в пространства игры, приключений или поиска. Адепты паркура видят город как нагромождение барьеров, созданных для преодоления. Осваивают город как пространство препятствий³.

³ Выделение отдельных субкультур напрямую связано с порождением ими альтернативной системы культурных кодов. При этом субкультуры трактуются не только как социальное, но и пространственное явление. См. Г.Е. Гун Молодежные субкультуры в контексте город-

Все эти практики телесной экспансии наглядно обнаруживают пространство города как слоение границ. Все они имеют дискурсивную составляющую, проекцию. Их участники, пользуясь возможностями социальных сетей, документируют свою деятельность, реализуя новый взгляд на город и новую оптику освоения его пространства.

Но мы остановим здесь внимание не на таких радикальных экспериментах с пространством города, а на традиционных, которые составляют доминирующие культурно легитимированные практики освоения городского пространства: прогулке и экскурсии. Рассмотрим прогулку и экскурсию в их отношении к границам городского пространства, во-первых, и как способы текстопорождения, во-вторых.

Роман и поэзия XIX – начала XX века увидели и представили город глазами гуляющего фланера. Поэзия города – его произведение. Фигуру носителя новой оптики взгляда на городские улицы концептуализировал Вальтер Беньямин. Он обнаружил фланера в «Парижских картинах» Бодлера и определил его взгляд на город как отчужденный и аллегоризирующий. Отчуждение предполагает проведение границы, что и делает фланер, превращая себя по отношению к городу в фигуру заграничья. Виктор Шкловский назвал это «остранением» – «способом видеть вещи выведенными из их контекста»⁴. Иными словами, умением смещать и переустанавливать границы.

Беньямин писал, что фланер смешивается с толпой, меняя оптику видения города. Толпа для фланера оказывается своего рода «вуалью», сквозь которую привычная городская среда предстает

ской художественной культуры/ URL: <http://hses-online.ru/2014/03/28.pdf>; В.А. Луков Молодежные субкультуры в современной России/ URL: <http://psyfactor.org/lib/subkult.htm>

⁴ Шкловский В. Искусство как прием //Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990. С.67

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Владимир Васильевич АБАШЕВ / Vladimir ABASHEV | Анастасия Владимировна ФИРЦОВА / Anastasija FIRSOVA

| Прогулка и экскурсия в ряду телесно-дискурсивных практик освоения городского пространства / Strolling and Guided Tour in the Context of other Bodily and Discourse Practices of Urban Space Exploration |

преображенной. Она «подмигивает фланеру как фантазмагория»⁵. Вуаль – вариация темы границы: дымка, полупрозрачный экран, благодаря которому город теряет дневную определенность своих повседневных очертаний и видится как магический театр теней.

Отчуждая себя от города, фланер действует, используя понятие Ю.М. Лотмана как «семиотическое “я”»⁶. Он продуцирует границу как условие письма. Фланер – поэт или, по крайней мере, возможность поэта. Вуаль скрывает лицо блоковской Незнакомки, туманы, дымка и мгла окутывают Петербург. Они обеспечивают необходимую дистанцию. Город отделяется и полускрывается вуалью тотальной границы, которую продуцирует фланер. У Блока и символистов это граница здешнего с нездешним. Уличные сценки, прохожие, вывески, витрины, театры и рестораны, – все означает, становится фигурами представления заграничья, наполняется значением, которое надо угадать. Выход дамы из кареты, подкатившей к подъезду здания, где собирается бал-маскарад, превращается в фантазмагорическое событие с inferнальным оттенком, и сквозь Петербург повседневности просвечивает иной город – «инфра-Петербург», как полагал Даниил Андреев⁷:

Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.
Красный с козел прыгнул — и на светлой черте
Распахнул каретную дверцу.
Нищий поднял дрожащий фонарь:
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый тротуар,

⁵ Беньямин В. Париж, столица XIX столетия // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996. С.154.

⁶ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 185.

⁷ Андреев Д. Роза мира. М., 1992. С.199.

Исчезла в толпе.

Луч дождливую мглу пронизал —
Богиня вступила в склеп...
Гори, маскарадный зал!
Здесь нищий во мгле ослеп⁸.

Архаичным в блоковских строчках 1904 года может показаться способ выражения, словесный строй и интонации, но не характер взгляда, не его оптическая структура. Фланер-поэт (или поэт-фланер) остается живой фигурой созерцания в русской традиции фантастического урбанизма от Александра Блока до Андрея Родионова⁹. Фланер не пересекает границ, не испытывает их. Фланер воображает границы – это его действие с городом – и создает новую художественную структуриацию и текст города.

Но дело в том, что воображаемый город поэта-фланера становится частью реальности – параллельным городом: Петербургом Достоевского и Блока, Москвой Михаила Булгакова или Парижем Гюго. И вот Василий Петрович Боткин взбирается на башни Нотр Дам, бродит вокруг собора и «проникнутый огненными описаниями» перечитывает Виктора Гюго в стремлении «найти какой-нибудь след затерявшейся драмы». И, конечно, находит. Вблизи громады собора «Квзимодо, Эсмеральда, Фролло – вся эта драма принимала размер огромны»¹⁰. Текст, порожденный чувством границы, сливается с городом.

Таким образом, прогулка фланера становится достоянием экскурсии. Артистическая, вольная, творчески раскованная практика скольжения

⁸ Блок А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. М.-Л., 1960. Т.2. С. 157.

⁹ В русской поэзии современная традиция поэзии города восходит к Н.А. Некрасову: «Мерецится мне всюду драма» (Некрасов Н.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. М., 1965. Т.1. С. 109).

¹⁰ Боткин В.П. Русский в Париже // Боткин В.П. Письма об Испании. Л., 1976. С.199.

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Владимир Васильевич АБАШЕВ / Vladimir ABASHEV | Анастасия Владимировна ФИРЦОВА / Anastasija FIRSOVA

| Прогулка и экскурсия в ряду телесно-дискурсивных практик освоения городского пространства / Strolling and Guided Tour in the Context of other Bodily and Discourse Practices of Urban Space Exploration |

вдоль городских границ и продуцирования границы воображения питает самую авторитарную практику освоения города. В каком-то смысле экскурсия паразитирует на прогулке, эксплуатирует созданный ею ресурс – воображаемый город.

Если рассмотренные выше практики освоения городского пространства имеют индивидуальный характер или находятся в ведении специализированных субкультурных сообществ, то экскурсия, во-первых, коллективна и, во-вторых, социально институционализована. В настоящее время городская экскурсия переживает очевидный ренессанс и на возрастающий спрос отвечает как расширением тематического репертуара, так большим разнообразием тактик¹¹. В своей экспансии экскурсия покушается и на территории, находящиеся в ведении руферов и диггеров, что вызывает протест этих сообществ, желающих сохранить чистоту своих практик¹².

Все же несмотря на происходящие изменения, экскурсия существует по большей части в том виде, в каком она сформировалась в 1960-70-е гг. – как авторитарная педагогическая практика. В таком ее понимании есть очевидный парадокс: уж слишком решительно экскурсия отклоняется от

этимологически заданного собственного смысла (замысла). *Excursio* первым делом входит в словарь военных действий: «вылазка», «набег», «нападение». Далее, в более широком значении, это «простор» и «свобода», а в риторическом употреблении – «уклонение» и «отступление» в развитии рассказа. Вот в каком окружении живет более частное значение слова – «поездка». То есть по оформленному словом смыслу экскурсия предполагала бы свободное импровизационное движение в пространстве, сопровождаемое столь же прихотливым движением рассказа¹³.

Между тем с практикой экскурсии дело обстоит прямо противоположным образом. Экскурсия предполагает принципиальное разделение на группу слушателей и автора-организатора, ведущего и ведомых, посвященного и непосвященных. Экскурсовод регламентирует движение тел в пространстве города. Он пресекает отклонения от заданного им маршрута, задает темп движения. В пределе экскурсовод претендует на полную режиссуру телесного поведения и реакций им ведомых.

Но главная особенность экскурсии состоит в генезисе и роли ее дискурсивной составляющей. Хотя авторы большинства учебных пособий по экскурсоведению настаивают на первичности показа, на практике в условиях визуальной стертости, однообразия многих наших городов в экскурсии

¹¹ По городским экскурсиям нет статистического учета, да он и невозможен. Однако косвенные показатели – число турфирм внутреннего туризма, например, свидетельствуют о существенном росте спроса: 1858 турфирм в 2010 г., 1889 – в 2013 г., 2626 – в 2014 г. Возрастание числа туристских сайтов, частных объявлений о проведении городских экскурсий – также свидетельствует о растущем спросе. См.: URL: <http://fedstat.ru/indicator/data.do?id=37253&referrerType=0&referrerId=947153>

¹² См. рекламу платной экскурсии от фотографа-руфера в Новосибирске // URL: <http://news.ngs.ru/more/737237/>. Это явление, видимо, достаточно распространенное. Не случайно сообщество петербургских руферов борется с руферами-экскурсоводами, т.к. это противоречит их этике тайного (несанкционированного) посещения крыш // URL: http://vk.com/spb_roofers.

¹³ В той же мере экскурсия далека и от идеала «путешественности», который рисовался прекраснородным теоретикам экскурсионного дела 1910-1920-х гг. Характерна в этом смысле декларация академика И.М. Гревса: «“Экскурсии” занимают скромнейшее место в необъятной сфере “путешествий”, но они родственны им по природе: в экскурсиях повторяется однородный с путешествием процесс. В них, как и в тех, расширяется личность, так как происходит ее слияние с широким миром, завоевание его умом и волею, но и развитие себя правдою и красотой». См. Гревс И.М. «Природа экскурсионности» и главные типы «экскурсии в культуру» //Экскурсии в культуру. М., 1925. С. 11.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Владимир Васильевич АБАШЕВ / Vladimir ABASHEV | Анастасия Владимировна ФИРЦОВА / Anastasija FIRSOVA

| Прогулка и экскурсия в ряду телесно-дискурсивных практик освоения городского пространства / Strolling and Guided Tour in the Context of other Bodily and Discourse Practices of Urban Space Exploration |

доминирует рассказ, апеллирующий к воображению. Поэтому экскурсия, прежде всего, дискурсивная, а затем телесная практика.

При этом создание экскурсионного рассказа о городе регламентировано. Оно подчинено алгоритму, предполагающему выбор темы, отбор объектов показа, сюжетизацию объектов показа, продумывание логических переходов и разработку маршрута. Все указанные пункты, включая время в пути, методические приемы подачи информации, организационные указания объединяются в так называемую «технологическую карту маршрута»¹⁴. Таким образом, экскурсионный рассказ как бы санкционирован некоей властной инстанцией объективного знания о городе и приобретает тем самым статус особой авторитетности, правильности.

Разумеется, многое в движении экскурсионного рассказа зависит от личности экскурсовода, глубины его знаний, меры артистизма, способности к импровизации. И все же определяющим фактором экскурсии является тот, что экскурсовод выступает в статусе посвященного, как носитель правильного рассказа о городе, – так и воспринимают его рассказ экскурсанты. В семиотическом плане это означает, что экскурсовод объединяет себя с городом в единой «семиотической личности»¹⁵ и выступает как его полноправный представитель.

В этом качестве экскурсовод находится в позиции противоположной фланеру: они по разные стороны границы. Фланер отделяет себя от города, смотрит на него со стороны, и эффекты «остранения» становятся импульсом к рассказу о городе. Экскурсовод находится внутри города. Он владеет всеми кодами городского пространства и, опираясь на сумму рассказов о городе, как переводчик рас-

толковывает город экскурсантам. Замкнутые в плотную оболочку авторитетного рассказа о городе экскурсанты движутся, по видимости, в однородном, как бы не рассеченном границами городском пространстве.

Описанная ситуация встречается в экскурсионной практике нередко. Инерционно воспринятая традиция педагогической экскурсии предрасполагает к подобному типу авторитарного повествования. Но, согласимся с В.Л. Каганским, «непроблематизируемые пространства бессмысленны и бесперспективны для путешествия». Поэтому и экскурсия, желающая отвечать идеалу «путешественности», о котором писал И.М. Гревс, в состоянии «проблематизировать то пространство, в котором совершается»¹⁶. Важнейшим ресурсом такой проблематизации является проявление в городском пространстве и интерпретация границ, как по пространственной горизонтали, так и по историко-культурной вертикали.

Проявляя в рассказе значимые ландшафтные рубежи или семантические границы городского пространства, экскурсовод проблематизирует его и тем самым активизирует восприятие города. Тем более что в реальной среде, в которой живет экскурсант, соседствуют друг с другом среда культурная и природная; культура фундаментальная и повседневная; прошлое и настоящее; профаническое и сакральное; документ и миф¹⁷. Эти скрытые рубежи нуждаются в проявлении.

В физическом пространстве города экскурсоводу важно выбрать те точки, где проявляется граница, а за нею – возможный сюжет. К примеру, точки панорамного обзора (естественный холм,

¹⁴ ГОСТ Туристско-экскурсионное обслуживание. URL: http://www.standartov.ru/norma_doc/4/4812/index.htm

¹⁵ О субъекте в семиотическом смысле см.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва, 1996. С. 185-188.

¹⁶ Каганский В.Л. Путешествия и границы // Культурное пространство путешествий. Материалы научного форума. С-Пб., 2003. С.8.

¹⁷ Лескова Г.А. Средовой менеджмент: инновационный подход к экскурсионной презентации города // Мир экскурсий. 2010. № 4. С.33-38.

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Владимир Васильевич АБАШЕВ / Vladimir ABASHEV | Анастасия Владимировна ФИРЦОВА / Anastasija FIRSOVA

| Прогулка и экскурсия в ряду телесно-дискурсивных практик освоения городского пространства / Strolling and Guided Tour in the Context of other Bodily and Discourse Practices of Urban Space Exploration |

колокольня, башня бизнес-центра) обнаруживают общие очертания города. Такая площадка необходима, чтобы занять рефлексивную позицию, соединить отдельные фрагменты в целое, вообразить город как коллективную личность. Другая граница «природное/культурное» (выход к реке, к склону оврага, лесному массиву) дает сюжет рождения города в связи с его природным и ресурсным окружением. По горизонтали отчетливо выделяются центры повышенной социально-культурной активности города, где, как правило, сосредоточены основные достопримечательности, а человек может проявить себя как турист – получить удовольствие от «потребления», «приватизации» городской среды (купить сувенир, сделать фотографию, посетить кафе). Отрывочно и фрагментарно в поле зрения экскурсанта попадают производственные кварталы (если это не индустриальный туризм) и совсем за скобками экскурсионного текста остаются спальные районы.

Распознавание вертикальных семантических границ требует воображения, интеллектуальной работы, перевода «факта» в «ценность». Мы пересекаем границу «прошлое/настоящее», входя в мемориальный комплекс (Домик Петра I); границу «профаническое/сакральное» при посещении мест паломничества (Троице-Сергиев монастырь); «мир реальный/художественный» – оказавшись в литературном урочище (Дворик Джульетты); граница «серьезное/смешное» заключена в жанровой скульптуре, обыгрывающей символику местной идентичности (Буква Ё, Чижик-пыжик, Пермяк соленые уши).

В этой творческой деятельности проявления границ для экскурсовода-практика большое значение приобретает опыт чтения города поэтом-фланером. По верному замечанию М.П. Абашевой, в случае исчерпанности географической, политической и иной семантики пограничности, культура

находит новые аргументы в сфере творчества¹⁸. Сам город является богатным полем дискурсивных практик, в его пространстве происходит стыковка различных социальных, национальных, стилевых кодов. Их перекодировка и сочетания превращают его в генератор культурной информации¹⁹. Задача экскурсовода состоит не в том, чтобы копировать (описывать) видимые объекты, но выявлять их наиболее эффективные и выгодные соотношения, вызывать ценностное отношение к ним.

Как социально легитимированный и массовый способ освоения города экскурсия может стать наглядной практикой городской герменевтики для ее участников, если использует символический ресурс границ для создания своих текстов.

¹⁸ Абашева М.П. Граница Европы Азии: трансформация смыслов // *Česlovo Milošo skaitymai* 6. „Gimtoji Europa“: erdvė, mintis, žodis. Kaunas: Vytauto idžiojo universiteto leidykla., 2013. С. 67.

¹⁹ Лотман М.Ю. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Семиотика города и городской культуры*. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту: ТГУ, 1984. С.35.

